

18+

ЛАТЫШСКИЙ СОВРЕМЕННОК

ТРАВА

ПОВЕСТЬ-ДРАМА

АВТОР:

В. А. Степанов

Владимир Степанов

Трава

«Издательские решения»

Степанов В.

Трава / В. Степанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559497-6

Сколько чудес, сколько сокровищ нам дарят недра земные и Мать-природа. Казалось бы, мала травка, а валит с ног. А золото так блестит, что затмевает разум. И только сильные духом могут устоять и не поддаваться соблазну.

ISBN 978-5-00-559497-6

© Степанов В.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	12
IV	16
V	19
VI	22
VII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Трава

Владимир Степанов

© Владимир Степанов, 2022

ISBN 978-5-0055-9497-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

И Шаман ударил в «бубен»! От такого удара искра, словно из горящего ночного костра, выскочила из глаза Эльбруса Эверестовича, и он полетел в чёрное пространство огромного деревянного сарая. Приземлившись, он ощутил спиной, что лежит не на земле, а на чём-то высоком и совершенно неровном и только на ощупь определил, что лежит на колотых дровах. Шаманов удар «колотухой» забросил его на самый верх заготовленных и аккуратно сложенных в поленницу берёзовых дров. Придя чуть в себя, он попытался встать, но кусок широкой, обломанной и пробитой насквозь гвоздями доски проколол новые галоши и впился ими в каблуки башмаков. Быстро встать не получалось, и его тело начало медленно сползать вниз по скользкой бересте свежих, недавно наколотых, дров.

Доска накрепко присосалась своими ржавыми, столетними «пиявками» через галоши к каблукам старых башмаков.

«Надо ноги уносить быстрее, пока не подошёл Шаман со своими колотушками. Ещё пару раз заедет и мне уже не подняться».

Внезапный приступ кашля (остаточное явление перенесённой недавно простуды) растряс худое тело, и очередная порция тяжёлых поленьев, скатившись сверху, накрыла его с головой. В глазах почернело, круги-круги... И Эльбрус Эверестович впал в полное беспамятство.

Шаман, словно взбешённый конь, бьющий копытом, растирал сапогом брошенную на пол папиросу и громко сопел, раздувая и без того широкие ноздри. Ему бы заржать сейчас – он так был похож на дикого, необузданного жеребца. Плюнув на пол, стал медленно подходить к куче поленьев, заваливших незваного в его сарай гостя. С помутневшей от бешенства головой, шёл с одной мыслью – продолжать бить и бить в «бубен». Но, раскидав дрова, вдруг передумал. Недовесок-Фармацевт, так он называл гостя, находился в полном отключении сознания.

Охота бить в «бубен», оглушённого поленом Фармацевта, сама собою отпала. Он грубо схватил его за грудки стёганой фуфайки, приподнял и попытался поставить на ноги. Фармацевт тут же рухнул на пол, задрав худые ноги с прилипшею доской. Громко матерясь, Шаман цепко, обеими руками вцепился в неё и рванул на себя, но она не хотела расставаться с блестящими галошами, плотно насаженными на башмаки.

– Да разве... твою-то мать, сказочник хе... в! Как Кощей в золото вцепилась, гниль деревянная! – раскидав сапогом в стороны поленья, Шаман потащил Гималайского за доску ближе к выходу, где солнечный свет пробивался в открытую дверь сарая. Немного успокоившись, стал думать, что делать дальше с этим Недовеском, смиренно лежащим.

Он быстро вышел из сарая и направился к деревянному забору, сплетённому из двухметровых штакетин. Его озверевшее лицо не выражало абсолютно никакого сожаления к лежавшему без памяти гостю, и ещё больше взбесило его то, что он тихо так лежит, он же собрался его бить.

В заборе, выбрав потолще и попряме, почти в два метра штакетину, выдернул её и тут же проверил её прочность на своём колене. Палка гнулась, но переломить её он не сумел.

– Ух, добротная, хороша дубина! Для распятия по-китайски, в самый раз согдится! Кхаа... а, кхаа, кха...! Ты сейчас узнаешь, Недовесок, что это такое, по-китайски..., вот воскреншу ща тебя, и начнёси распяливаться, – он схватил дубину по середине и поспешил в сарай, пока гость не очухался и не стал орать. Перешагнув через порог сарая, Шаман, ударив ладонью по деревянной рукоятке топора, вытащил его лезвие из широкого пня, уселся на него и положил топор рядом. На дубовом пне, служившим не один десяток лет для рубки дров, удобно было сидеть, как в комфортном кресле.

Вытащил из кармана штанов мятую пачку папирос, сосчитал их, оставалось пять штук. Глубоко затянулся крепким табаком марки «Север». После сделанных двух затяжек, лёгкое

головокружение ударило в голову, гнев, почему-то резко сменился на милость. В «бубен» точно бить не будет! Шаман смотрел на дубину, которую выдрал из забора, и настроение на предстоящую с «художественным оформлением» работу с каждой минутой нарастало. В голове дикого художника что-то начинало зарождаться.

– Ну что, псина псковская? Доскакался, козёл! Ща твои копыта с граблями и всё, что висит на тебе, Кощей, на вертел крутить буду, до последнего пальца! И это только начало! Ни мамка твоя, ни Манька моя, как бы не пялились, ни в жисть не распознают, кем ща станешь у меня. Китайцы, хошь и дураки нищие, но в этом деле большие умельцы, нам далеко до них. Если Бог даст Хунь Ваня увижу, в копыта ему китайские с большим уважением поклонюсь. Учителю моему! – Шаман ещё долго что-то говорил о страшных китайских изобретениях лежащему неподвижно Гималайскому, и наверно к лучшему, что тот ничего не слышал. От жутких слов такого рассказа, если бы они дошли до ушей любого лежащего в Шамановском сарае, никакая бы прибитая к галошам доска не удержала бы никого в этом страшном, огромном сарае. С Шаманом шутить было опасно, в гневе он был совершенно непредсказуем.

Сарай был большой, высокий имел три двери: с фасада и с торцов. Он служил и курятником, и дровяником и хранил разное старьё и барахло, благо, что места хватало для разного хлама, где ещё и танцевать можно пьяным в раскорячку даже.

Прогулявшись по необъёмному деревянному строению, доставшемуся в наследство от далёких предков, Шаман возвратился с радостной гримасой на лице к месту, где оставил гостя, и опять уселся поудобней на пень, в руках он держал толстые пучки перьев – в одной куриные, в другой гусиные, длинные и широкие.

Затягиваясь снова папиросой, он соображал, как и куда их приделать, эти перья? «В курятник к курам сходить надо, а у петуха дерьма свеженького попросить и пару-тройку яиц для клейкого замеса, чтобы наверняка и надолго. Харю измазать и в перьях обвалить – это самое первое. Дерьма много надоть: башка, ноги, руки, а на фуфайку, сколько уйдёт...!» – так решил Шаман и направился к поленнице дров надрать бересты, а потом идти в дальний угол, к курятнику, где куры уже готовились ко сну.

Куриный муж первым соскочил с жердины и принял боевую стойку – не допустить в свой гарем в тридцать куриных душ чужака, будь он даже хозяином всего сарая. Не церемонясь, Шаман поддел его носком сапога снизу под брюхо. Петух даже крылья не успел раскрыть, как очутился на самой верхней, пятой жердине. Курятник орал! Куры сыпались вниз и со страшным шумом разбегались по всему сараю.

Шаман спешно загребал в бересту дерьмо, он боялся, что от такого не прекращающегося дикого кудахтанья очухается Фармацевт и добавит ещё больше шума.

«Гнуть его срочно надо, если уже не очухался, а петуха зарубить! Ишь, шпоры в сапог вонзил мне, хозяину! Ладно, с петухом потом. С этим разобраться надо, пока не убежал», – с берёзовой берестой в обеих руках полных дерьма, по пути захватив из гнезда два снесённых яйца, он почти бежал к «дорогому» гостю со свежими гостинцами в руках.

– Ааа... а, да ты гляжу выпался, апппельнист тянь-шаньский, зелье травостойное. Ты у мене, фармацевт завялый, форму щас приобрести нужную должен. А потом обделывать стану тебя, образ тебе сделаю, не то что собака, волки с медведём обосрут даже, и я с ними. Всё от культуры работы и материалу зависит. Материалу много, а культуру изделать какую... я щас думать буду, – он подошёл к лежащему с открытыми глазами Гималайскому и положил у самой головы две кучи дерьма на бересте и гору перьев.

Эльбрус Эверестович, что-то бормоча, зашевелил головой, а потом и всем телом, пытаясь отодвинуться от ядовитого запаха.

«А ведь ща завопит, пасть раскроет и громчей петуха орать начнёт. Пасть, пасть заткнуть надоть, испортит всё, а Манька не испугается и народ приведёт», – Шаман бегал глазами

по всему сараю, куда проникал свет, но клока тряпки или какого-нибудь подобия кляпа на глаза не попадалось.

Глянув на доску, намертво вбитую в галоши с ботинками, Шаман стал соображать, как их снять. Он развязал шнурки и выдернул из башмаков, засунув их сразу себе в карман. Поплевав в ладони, схватился за доску и резко дёрнул на себя. Трепчатая доска с галошами и башмаками была в его руках. Носки свисали наполовину из башмаков, а гость, от сильной встряски, снова затих.

Схватив Фармацевта за воротник фуфайки, Шаман поволок его к бревенчатой стене сарая и усадил. Через минуту гость забормотал и начал кряхтеть, пытаясь открыть левый глаз, который уже заплывал.

«Пора на вертел насаживать, очухается – много шума будет. Вон рожа травяная недовольство проявлять уже стала», – он заломил гостю за спину руки и крепко связал их шнурками. Увидев презрительный, кривой взгляд Гималайского, Шаман вытащил из ботинок плотные носки, скомкал их и запихал глубоко и надёжно Эльбрусу Эверестовичу в рот.

– Ща, бурдюк тощей, кобелюка костлявая, главное ща начинается, а ты зри, одноглазый, как работать надо. Пробкой тебя заткнул, чтобы вдохновенье мене не портил. Начнёшь меня учить на латыни своей, чего да куды вставлять, фекалиус вонючий. Ты у меня, лебедь ватный, ща перьями обрастёшь с мордой вместе и клюв тебе приделаю. Ежель в зеркале харю свою увидишь, иссеришьси от страха до потери сознания. Я даже сам, за себя боюсь, что творить ща буду! Готовь скелетина кости свои, я их гнуть ща начну! – Шаман пошёл к выходу, где у дверей ждала его заборная, двухметровая палка.

В сарае-мастерской фантазия у Шамана забурилась, заработала с широким художественным разнообразием замысла в ваянии задуманного образа героя, которого он сейчас представлял в своём диком воображении. Он и там, в отсидке магаданской, устраивал «камерные» спектакли с элементами цирковых и садистских трюков. Но в этом сарае его осенило на нечто, не сравнимое ни с чем тем, что он делал до этого.

Положение Гималайского ухудшалось с каждым новым действием возбуждённого и, на редкость для его натуры, необычайно весёлого Шамана. Скульптор приступил к творческой, созидательной работе. Для начала нужен был прочный, неподвижный каркас, на котором можно было бы ваять всё, что душе угодно. Палка легла на тонкую шею Фармацевта...

II

Будто в больном, кошмарном полусне, в забытьи прошли эти страшные два часа скульптурной пытки для Эльбруса Эверестовича. Он открыл правый глаз, когда ощутил, что Шаман покинул сарай. Подбитый левый уже заплыл и ничего не видел, и с левой стороны обзор был закрыт. Свежий воздух обдувал его взмокшую от нестерпимой, тупой боли голову и босые ноги. Заборный штакетник крепко сдавливал тонкую шею, а собственные ноги, которые свисали задранные до невозможности и перекинутые через дубину помогали этой же дубине давить на неё. Гималайский не понимал, что сделал с ним этот зверюга, выросший на сопках Дальнего Востока. Сильно болела голова, шея, бёдра, плечи и руки, скрюченные за спину. Щека раздулась, левый глаз совсем не видел, а кляп, плотно забитый в рот, вытолкнуть языком было невозможно.

Его подбородок лежал на загаженной, перевёрнутой вверх дном миске, из которой пили воду куры. Он увидел чуть ли не у самого носа правую, босую, собственную ступню, а между пальцами, забитыми курячьим дерьмом торчали длинные гусиные перья.

«Он меня перенёс к самому порогу, а я не помню, значит в отключке был. похоже он так навертел меня на дубину, что можно бревном катиться, только как? Палка длинная наверно, концы в стены упёрлись. Башка на пороге, а за порогом, вот она – свобода. Китаец! Только китаец мог научить, как связать одной палкой. Сам никогда не додумался бы с его то башкой», – анализировал пришедший в сознание и сплюснутый до некуда, заблудший в сарае Гималайский. – «Куда он пошёл сейчас, чего ещё задумал? С таким скрюченным скелетом долго не протяну, ну ещё часа два-три и что? Вот так просто загибаться в этом сарае с курами, пока петух глаз не выклевал? Нет! Надо что-то делать, надо немедля думать, как выкатываться отсюда», – мысли о спасении накатывали как волны, одна на другую.

Неожиданно для себя, перед Гималайским встал образ отца и матери. Они стояли совсем рядом, и он слышал их голос: «Крепись сынок, ты выдержишь испытание, ты умеешь терпеть, ты маленький, но ты сильный!»

Образ стоящих родителей стал медленно растворяться и вскоре исчез, а он, не моргая, смотрел правым глазом на зелёную траву за порогом и думал о них с большой благодарностью. Он благодарил их за то, что они произвели его на свет белый вот такого, такого, которого связали одной палкой, и он в немыслимой позе держится на ней с неповреждёнными руками, ногами, головой и шеей. Да, ну не вышел он ни ростом, ни весом. Природа отмерила ему всего лишь метр шестьдесят в росте и навешала пятьдесят семь килограмм плоти с тонкими костями. И, как бы извиняясь за свою нещедкость перед рабом божьим, взамен дала гибкость ума и пластику тела, прозорливость, склонность к авантюре и смелость в риске на удачу. Он любил отца и мать всегда, у него никогда в жизни и в мысли не было когда-нибудь обидеться на них. Почему он получился вот такой...? А его это вполне устраивало, он всегда верил, что сможет разбежаться и, с попутным порывом ветра улететь в мир приключений, где поджидает тебя опасность и где много риска. И в эти минуты, намотанный на палке, он был им благодарен, будто они наперёд уже знали, в какие приключения попадёт их единственный сынок.

Шаман ушёл в сторону курятника и долго не возвращался. Дверь в сарае была в той стороне тоже открыта, и сквозняк протягивал гостя со всех сторон, окончательно приводя его в чувство.

Опять нахлынули воспоминания. Вспомнил отца, который несколько лет подряд каждое лето брал его в горы. За эти несколько летних сезонов он постиг хорошую школу выживания наедине с природой, где ковался и закалялся, как в кузне, его характер. Он благодарил отца, который учил его терпению, учил разводить огонь в ненастье, ставить палатку, варить в котелке, а ночью смотреть на звёзды и познавать Вселенную, малой частичкой которой

являлся он! Школа гор и то, что умел и смог дать ему отец, оченьгодились ему, когда настало время входить в большую, полную противоречий, бурлящую, взрослую жизнь.

За спиной связанного гостя слышались шаги – это возвращался Шаман с большим пучком перьев, которых не хватило на скульптуру. За свои прожитые годы, Шаман никогда не испытывал творческого желания подержать карандаш или обмакнуть кисточку в акварель, или пластилин помять в руках. А сейчас он стоял за спиной Гималайского, задрал вверх дикие, пронизывающие крышу сарая, глаза. Эти звериные глаза спрашивали кого-то там наверху: «Неужто это я? Неужто на такое... с моими-то руками, и я сотворил?». – Шаман не то, что был в зачарованном восторге от самого себя, его распирала ещё и гордость за завершённую до полнейшей неузнаваемости фигуру, которая подсыхала на сквозняке у порога мастерской. Как он в эту минуту жалел, что он не в камере, братва бы его заценила громкими аплодисментами.

Он подкатил пень к задней части почти готового изваяния, сел на – него и стал размазывать что-то вонючее по всей спине, одновременно, непрерывно и долго что-то втыкая в фуфайку. Затаившись и почти не дыша, лежащая фигура, не проронив ни слова, увидела, как перед носом за порог упала смятая пустая пачка от папирос. С каждой затяжкой вдохновение, посетившее Шамана, теряло силу и ускоренным темпом покидало скульптора. Он устал от своего творчества!

– Шабаш! – поднимаясь, скульптор поправил шапку и направился к воротам забора.

Глядя на валяющуюся пачку от папирос «Север», Эверест понял: «У Шамана кончилось курево! Долго без табака не усидит!» – он хорошо изучил привычки этого пахана. Без табака уже через полчаса этот дикарь приходил в ярость.

Шаман отворил обе створки широких ворот, чтобы все, кто проходил мимо, могли видеть, какое чудо в перьях живёт у него в сарае. Вернувшись, схватил берёзовое полено и обтесал топором так, чтобы получился кол и снова вышел. Прошло минут пять. Между открытыми воротами и сараем Шаман появился с шумным кобелём, непородистым, но очень крупным. Грубо матерясь на весь двор, он тащил его что было силы, резко дергая за цепь. Сюсюбель, так звали кобеля, скользил по траве упираясь всеми четырьмя лапами и громко скулил.

Хозяина он откровенно боялся, хотя и был первым заводилой среди псовых на деревне. От Шамана поселковые собаки шарахались в стороны как от прокажённого, поджав хвосты. При встрече с ними, он бил их в «бубен», как и встречавшихся на пути якутов, коим сам же и являлся, только с примесью русской крови. Он очень не любил якутов, с которыми вырос в детском доме, и никто не знал причину этой враждебной ненависти к ним и к собакам. «Что взять с дикаря!» – говорили в посёлке.

Дотащив кобеля до выбранного им места, он вставил обтёсанный кол в широкое кольцо на конце длинной цепи и обухом топора глубоко вогнал его в землю. Кобель обязан был охранять невиданное доселе, сотворённое Шаманово чудо и никого не пускать в сарай.

– Ну, дык што, Недовесок аптечный? Никака баба, дажа и сблизити, харю твою нипочём не узнает, зуб даю, да всю пасть с зубами! Травник микстурный, зельеварец херов, килограммами недовешанный. Отнести бы тебя в тайгу, на сопку в глушь подале. Волки с медведями говном и воем изойдут, а близко не подойдут, зуб даю, с любым спорить стану! Да не протянешь долго токи. Ща я тебя в проходе выставяшь покрасивше стану, только симитрию исделаю, чтоба конец палки за порог не выскочил. Чгук-Чан-Чайник-Гук, иль как там, погоняло твого американца в перьях, в сказках нам лепил которого. Он, чой-то мне запал, бедовый браток этот. Но ты пострашнейше будешь. Сам, как гляну на тебе, так под себя будто валю, страшно делается. Вот этими руками из тебя страхоюдину слепил. Вот зеркал не имею токи и скажи спасибо за то, зайкой не станешь! – и он протянул руки в засохшем курином дерьме под самый нос тяжело сопящего Эльбруса Эверестовича. Шаман потряс руками и продолжил:

– От твоих сказок страх меня не дёргает, а вот кобель, гляжу я, даже морды в твою сторону не воротит, а он у меня не из пужаных, не раз медведю шерсть на жопе драл. Гляди у меня, ноги

ежели унесёт за забор, с тебя спрос, ты меня знаешь! Не смей пужать пса, поласковой с ним, моргай правым, пока светит, да почаще, он любит, когда ему моргают. Животина всё же, и она пужаться могёт. А теперь давай симитрию делать буду! – он схватился за левый конец палки и, кряхтя, потянул на себя.

В позе, которую трудно представить даже индийскому йогу, за порогом большого сарая, то ли сидел, но так не сидят, то ли лежал, но так не лежат, валялось живое изваяние в перьях, напоминающее индейца. Этот русский, не глупый индеец, находился в глубоком недоумении: как сумел дикий полуякут, далеко не глубокого и совсем не изобретательного ума, не говоря уж о какой-то там фантазии, слепить из него – это ...? И ему вдруг стало не по себе, даже страшно! Он отдал бы золотую горошину, только бы сейчас, на одно мгновение взглянуть на себя в зеркало. Мучительно, до ломоты костей, и без того побитой черепной коробки, не терпелось узнать, что же изобразил местный художник, если даже кобель, действительно, не смотрит в его сторону? И почему Шаман ушёл, может и впрямь уже наложил..., да быть такого не может? «А волк с медведем близко не подойдут!», вспоминал Шамановы слова русский индеец. Всё это сейчас сильно озадачило Эльбруса Эверестовича.

Неузнаваемое живое существо в нелепой позе, не присущей человеческому скелету, умудрилось трезво, без паники и вслепую, проанализировать, как бы со стороны, картину выставленного экземпляра изобразительного искусства, которой был налицо продемонстрирован в дверном проёме сарая. И конечно же виновником, что он стал неузнаваем, был он сам! Зачитывающийся с детства книжками приключений и фантастики, он, одарённый с рождения рассказчик, загремевший волею судьбы на три года на тюремные нары, не давал скучать угрюмым дядям в мрачном интерьере серой камеры. Он уставал, а его просили и просили эти взрослые, матёрые дядьки продолжать рассказ о захватывающих приключениях и великом вожде индейцев – Чингачгук-Большом Змее. Камера затихала, умел Фармацевт заморозить рассказом. Бандюги уважали его за это и не давали в обиду за его малый рост и малый вес. Шаман являлся авторитетным паханом в камере и, зная толк в золоте, как бывший старатель, Эльбруса Эверестовича окрестил метким погонялом – «Недовесок»! Когда Недовесок начинал рассказ по просьбе сокамерников про Большого Змея, Шаман молчаливым движением руки давал знать, что он согласен. Видимо, образ бесстрашного индейца, крепко зацепился в «прямых» извилинах его бесшабашной головы, а рассказчик мастерски умел будоражить воображение, иначе, Шаман никогда бы не взялся за творческую работу, которую только что завершил. А работа, действительно, сделана была с душой, в эдаком акробатическом, с элементами «сказочного» садизма, жанре.

«Дочитался до чёртиков..., дорассказывался! Всё сбылось, всё по книжке, всё по начитанному! И как только застрял в его башке этот вождь племени в перьях? Ведь сколько других, лихих героев он преподнёс им за три года? Зацепил он Шамана, работает воображение зверюги», – Эльбрус смотрел правым глазом, (который тоже скоро закроется) на свою правую ступню и на торчащие между пальцев толстые, гусиные перья. Резкий запах куриного дерьма на ноге нещадно лез в ноздри гонимый встречным, лёгким ветерком. «Это только нога, а что же он наверху изобразил...? Боже – это что-то ужасное? Кто же подойдёт ко мне? И вечер не за горами, а там и ночь! Быть-то, как?»

III

Гималайский Эльбрус Эверестович, за год проживания в посёлке, обрёл заслуженный, немалый авторитет у местного населения. Хворающих, от малого до старого, многих он поставил на ноги. Владея богатыми знаниями в области целебных трав, сам их готовил, или давал ценный совет нуждающимся: кому микстуру, кому настойку или травяной отвар. Местный поселковый фельдшер молилась на него, одна на полуторатысячное население едва-едва управлялась, особенно в сезон обострения людских хвороб, в осеннее ненастье, зимнюю стужу и в сезон рыбной путины.

«Какой стыд, позор на весь посёлок, если кто у ворот задержится и опознает! А я ещё не собираюсь отсюда драпать. С пустой торбой в другой конец страны тащиться, потеряв напрасно время? Нет уж! Надо на год, не меньше, закрепить в этих местах, продержаться любой ценой, всё стерпеть, стиснув зубы», – твёрдо решил, действительно до неузнаваемости разукрашенный перьями и курячим «гримом», измученный Эльбрус Эверестович.

Переполох в курятнике постепенно стих, и униженный перед жёнами куриный муж, в ярких, пяти цветов перьях, осторожно вылез за порог сарая, поправляя складные крылышки. Осмотревшись, он вдруг почувствовал, как петушиное сердце его, снова быстро застучало и стало наполняться злобой – перед ним лежал чужой, не из его курятника...! Петух стал туда-сюда, быстро прохаживаться у самой головы «индейца», выбирая с какой стороны начать атаку. Остановился у самого лба, раскрыл клюв и, размахивая крыльями, начал громко орать. Пыль, поднятая крыльями, осыпала всю голову лежащего. Громкий чих «индейца» вырвался вместе с кляпом прямо за порог. Кляп, вышибленной пробкой, ударил в цветастую грудь петуха. Петух страшно заорал, подскочил вверх, оттолкнулся шпорами от спины индейца и с криком помчался к своим жёнам в дальний угол сарая.

Ощувив невероятное облегчение, Гималайский часто задышал, наполняя грудь прохладным, вечерним воздухом. И тут, что-то сильно ударило его по голове. Откуда-то сверху, высоко над головой, послышалось кудахтанье курицы.

– Б..дь ты несущая в перьях! Да что ж ты натворила, стерва пернатая! Не любил «индеец» применять крепких выражений, и использовал их в крайне редких случаях. Но по-иному, даже самый воспитанный человек, не сумел бы подобрать слов отчаяния, когда на единственный смотрящий глаз потекла густая, жёлтая жижа. Живая, ещё полусырая от невысохшего материала скульптура, погрузилась в кромешную тьму. Чёрный занавес закрыл вечернее солнце, которое клонилось уже к закату, лишив «Зоркого Сокола» зрения. Герои прочитанных приключений мелькали в невидящих глазах рассказчика, которому, как и его храбрым героям, предстояло решить нелёгкую задачу – как вырваться из якутского капкана? Стерва-несушка, перепуганная крикливым петухом, не удержала яйцо до гнезда и точным бомбометанием нанесла удар, которым лишила зрения обидчика, контузившего кляпом в грудь её красавца мужа.

«Надо выкатываться отсюда и как можно скорее! Шаман всё равно придёт, рано или поздно. Что ещё он придумает? А если нажрётся, то всё, тогда мне хана!»

Голова сильно болела, шею и позвонки сковала невыносимая боль, пальцы рук и ног немели, но пока могли шевелиться.

До того, как курица скинула «гранату» и залепила глаз жидким зарядом, окончательно лишив «индейца» зрения, Эльбрус Эверестович запомнил, что распахнутые ворота во дворе стоят напротив входа в сарай и до них шагов двадцать, не больше. Но между ним и воротами пёс и немалых размеров. «А если рвать начнёт? Хотя вряд ли. Пса он уже не боялся, надеясь на свой образ. Шаман его неплохо обрисовал, если сам в штаны валить собрался. Может потому и покинул так поспешно сарай? Всё может быть!»

Самой трудной преградой на пути из этой проклятой мастерской, вместе с петухом и его курами, был порог, на котором лежал вверх дном засранный тазик, а на нём голова гостя в индейском оперении.

Июльское солнце клонилось к горизонту, озаряя оранжевым светом низкие, кучевые облака. Послышались голоса редких прохожих за запахнутыми воротами, они шли к морской бухте.

«Надо спешить! В бухте сейчас отлив, народ собирается крабов, застрявших между камней ловить. Но это ненадолго, и часа не пройдёт, охота на них закончится, начнётся прилив, и разойдутся все по домам. Надо спешить!», – мысли о спасении работали в бешеном ритме.

Собрав последние, что ещё оставались, силы, он расшатал своё онемевшее тело и рывком головы назад, кувыркнулся, оказавшись больше чем на метр от порога в глубине сарая. Работая копчиком, связанными назад руками и пятками, он развернулся наугад так, чтобы конец палки смотрел на выход в дверь. Несколько раз глубоко вздохнул и боком, как краб, по сантиметру начал перемещаться к выходу. Палка в стену не упиралась – это была надежда на спасение, она торчала одним концом за порогом. Через минуту он лежал в пыли, но уже за порогом ненавистного сарая.

«Теперь, правильно сориентироваться и взять направление», – давал сам себе команду индеец. Вдруг протяжный вой, вперемишку с повизгиванием, заставил его замереть в пыльной траве. Кобель, распластавшийся на травке мордой в сторону открытых ворот, с одной только собачьей мыслью, как вырваться на свободу, своим лохматым задом почуял, как из сарая вываливается что-то такое, что и во снах собачьих не снилось, и в тайге не встречалось.

Сюсюбель остервенело орал, орал так, будто ему лапу в дверь засунули и всё сильнее её давят и давят. Затем он стал дёргать шею, пытаясь голову вытащить из ошейника. У обезумевшего пса, это не получилось! Тогда он сделал отчаянную попытку, и так рванул с места в сторону ворот, что упал как подкошенный, а кол сумел удержать тяжёлого кобеля.

Слова Шамана действительно были пророческими – всё начало сбываться, как он и предрекал, создавая своё изваяние. Гималайский со всех сторон был страшен! Не без труда, он интуитивно определил направление, куда надо катиться, вырвавшись из якутской неволи к долгожданной свободе. Пёс, похоже, уже обделался! Кто следующий будет обдываться на его трудном, слепом пути к спасению, кто осмелится первым протянуть руку помощи, кто первым сумеет разобрать в нём облик человеческий, Эверест ещё не знал.

Превозмогая боль во всём теле, он с большим усилием сумел снова раскатать себя, затылок воткнулся в траву и, «Чингачгук Большой Змей», покатился к раскрытым воротам свободы. Дрожащий от дикого ужаса кобель, чуя, что пришёл его час, и его вот-вот накроет катящаяся на него белая нечисть, с которой ещё и перья сыпались во все стороны, в бешеном отчаянии, что оставалось жить какие-то мгновения, рванул ещё раз цепь. Кол вместе с цепью взлетели вверх и просвистели пастушьим кнутом, разрезая воздух. Сюсюбель с воем выскочил за ворота, гремя длинной цепью с подпрыгивающим берёзовым колом.

Белое, оперённое изваяние, рассыпая направо и налево перья, набирало ход и катилось всё быстрее и быстрее под горку, издавая богатую гамму звуков, повышенных и пониженных, чередующихся октав, которые способен издавать до смерти испуганный, но ещё живой биологический организм.

Кобель, придя в себя на другом конце посёлка, собирал стаю из шатающихся без дела своих дружков разных мастей и возрастов для массового преследования невиданного никому ещё чудовища в перьях. Псы большой стаей нагнали катившегося и отчаянно лаяли, переходя на визг, при этом держали дистанцию – ни один смельчак не отважился даже перо содрать. Невидаль фигурная, вылезшая из сарая Шамана, внушала таки прямой ужас!

Толпа, собравшаяся на берегу потаскать крабов, застрявших меж камней во время отлива, тарачила глаза на орущую, охающую и что-то пытавшуюся прокричать, катившуюся,

и никем не виданную живую штуку. Эту штуку зверем и, тем более человеком, назвать было никак нельзя! Но она кричала, эта штука, и что-то в этом хриплом крике удавалось уловить человеческое, но очень отдалённое. Насторожило толпу и поведение собак – ни одна ближе пяти шагов не приближалась.

Спуск стал ровнее, неопознанное тело остановилось и упёрлось пятками в мокрый грунт, задрал вверх пальцы, из которых торчали длинные и надломанные гусиные перья. Такие же длинные перья были на плечах, в ушах и на голове и ни одного уцелевшего, кроме двух торчащих из ушей, остальные все сломаны. Мелкие пёрышки летали и опускались снежными хлопьями над тяжело дышащим чудовищем. Из его серой фуфайки, которая растеряла сотни перьев, валил густой пар.

Первыми пришли в себя три бабы, стоявшие в остолбеневшей толпе ближе всех к необъяснимому в словах предмету. Их визг в три глотки потряс тишину морской бухты, в один момент заложив всем уши. Этот дикий визг тут же подхватили остальные бабы, а за ними и несколько хриплых, пропитых мужицких глоток. Животный страх пробрал каждого, и никто ни одёрнул паникёров! Разбегались все, побросав на берегу шевелящихся крабов и нехитрые снасти. Паника, охватившая толпу, гнала всех наверх в гору, где раскинулся посёлок.

Бежали всей толпой, вперемешку с собаками, далеко огибая чудище, из которого ещё продолжал валить пар, и сыпались последние пёрышки. Четыре мужика, задыхаясь от недостатка кислорода, остановились на безопасном расстоянии, чтобы перевести дух. Дрожащими руками, не стесняясь страха своего, скручивали из газеты самокрутки, жадно затягиваясь, чтобы скорее убрать неуёмную дрожь в коленях. Постепенно, после ядрёной, успокоительной махорки, здравый смысл начал брать верх. Четверо мужиков, повывавших всякое в жизни: и в море, и в тайге, двое побывавшие на фронте, стояли друг перед другом и не могли совладать с дрожащими коленями и челюстями. Всем было не до смеха, даже, если бы у кого и штаны потяжелели бы от страха!

Мужики, трезво оценив обстановку, после увиденного в бухте, отбросив прочь былины и сказания, двинулись обратно к берегу пока совсем не стемнело. Посёлок спать не уляжется, надо не дожидаясь утра, разобраться, кого это и из какого двора к бухте прикатило? Ни с неба же он свалился?

Двое из мужиков, вытащив охотничьи ножи, первыми двинулись к тихо лежащему объекту, который находился в полуобморочном состоянии. Остальные поспешили за ними. Начали с большой опаской осмотр. Руки, ноги, голова – всё человеческое, хороший фингал под глазом, всё по-человечески. Фуфайка, штаны – все мужики такие носят, вот только каким-то дерьмом заштукатурен до полной неузнаваемости, и закручен на палке чудно, это же совсем никуда не годно! Кто же так и кого надоумил так поиздеваться над человеком?

Соскребли штукатурку с носа, со лба, вытащили перья из ушей, из головы и остатки из фуфайки. Мал ростом мужик, якут, ни якут, но в посёлке каждого якута знают, а такой не водится здесь.

– Да це ж Эльбрусу Эверестовычу, це ж Гималайский, ликарь наш, фармацевту! – заорал радостно здоровый толстяк. – Дышать, дышать Эльбрусу!

– Иди ты! – в один голос послали его мужики. Все стояли с нескрываемым удивлением. Кто ж это смог такое сделать с уважаемым всем посёлком Эльбрусом Эверестовичем?

– Кто жа его вот так, как на вертел? Зажарить кто собрался? Людоедов нет у нас? А на палку-то как насадил и не придумаешь ведь? – гадали в голос, не на шутку встревоженные мужики.

– А это кто? – невдалеке сидел кобель Шамана и бряцал цепью на ошейнике, а берёзовый кол в кольце, лежал рядом, у самых лап. Пёс всем видом демонстрировал, что этот в перьях – его, и он его охраняет.

– Да это Шамановый кобель Сюсюбель, кажись! Да, он самый! – уверенно сказал один из мужиков. – Я от забора его в пяти шагах живу.

– А не его ли, дикаря этого, работа? Этот зверюга всё может! – неуверенно, и в то же время почти убедительно, завершил последним словом свою догадку самый старший из всех в больших уже летах мужик.

– Харэ лясы точыть в догадках! Эльбрусу Эверестовычу спасаты трэба! – сказал самый толстый из мужиков, первым опознавший Фармацевта. – К менэ, у хату тащить його, а я побегу, Ганку потрясу, щоб воды согрила, тай всё останэ, що трэба. Дубыняку распилемо у хати, здэся тильки повредымо тэлэса його! И вот що, хлопци, ны кому у сели ни словця, ны кому! Нэ трэба всим знаты! А завтри скажемо на всё сэло, що якута хтось прыкатыв у бухту! – и толстяк начал быстро подниматься в гору. На сопку опускались сумерки, и дома посёлка зажигали огни.

Два мужика, поплевав в ладони, аккуратно взяли за концы палки и осторожно понесли обессиленного Гималайского в горку, к дому бригадира рыбацкой артели Мыколы Поросюка. Кобель устало плёлся за страшным чудищем, не понимая, почему мужики его так бережно несут, не убегают и совсем перестали бояться. А он плёлся сторожить его и всё ещё боялся.

IV

Эльбрус открыл глаза. Первое, что услышал он, это женский, глуховатый, прокуренный голос с раздражительными нотами, которые в любой момент из Ля, Си и всяких там бемолей, могли сорваться в самый нижний ряд отборной, ядрёной матерщины. Похоже, она сдерживалась из последних сил, чтобы не пройтись по всему ряду.

– Граай гаамму, гаадына нэ послушна! Скильки тэбе вторыть буду, учэнь говняный! Увесь в батьку, бесталачь, негидник соплявый! – послышался шлепок подзатыльника, и пианино начало издавать нудную и однообразную музыкальную азбуку.

«Я в доме Поросюков, у Мыколы! А это его жена, старается не разбудить меня, видно достал её Пашка – эту добрую Ганну Остаповну, которая сейчас занимается со своим двенадцатилетним оболтусом», – всё тело сковывала тянущая, непрекращающаяся боль. В голове шумел морской прибор, но всё окружающее воспринималось отчётливо и ясно.

Вскоре в комнату вошла с приятным лицом и сама хозяйка, Ганна Остаповна, поселковый фельдшер. Улыбаясь и поздоровавшись, жестами полных рук дала знать, чтобы больной не разговаривал, берёт силы и соблюдал полный покой. Сама же принялась за процедуру массажа от ног до головы со втиранием и растиранием, погонять кровушку застоляю по всему организму. А потом был завтрак и полный покой в тишине маленькой, уютно обставленной комнатки, где можно было не спеша подумать и поразмыслить, как жить дальше и что делать?

Первое, что приходило в голову – плюнуть на всё, бросить затеянное дело и поскорее податься на родину, на Псковщину. Встретиться со своею несравненной Ынне, которая ждёт его и жениться на ней, о которой помнил всегда, и там в лагере, и здесь на свободе. Но этот первый порыв желания он отогнал тут же – не в его характере было вырваться из капкана и бежать куда подальше, пятками сверкая.

Эльбрус лежал на спине расслабившись и не торопил ход наплывающих мыслей. Надо было любой ценой разобраться с этим знаком-наколкой, которая недавно появилась на правом плече Шамана. Точно такую татуировку он видел год назад на зоне у китайца, с которым сошёлся Шаман. Почему точь-в-точь такую же Шаман сделал уже на свободе? Это неспроста, здесь какая-то тайна.

«Никуда не уеду, пока не доковыряюсь! А если доковыряюсь, то это будет не простое зёрнышко, а золотое!». Всё нутро подсказывало: Шаман с китайцем не потерялись после отсидки, они держат связь. «Остаюсь! Надо остаться! Столько времени потеряно и уехать ни с чем? Ну нет! Не выйдет у тебя, Шаман, просто так со мной расстаться!»

Не дававшая покоя наковка, сделанная умелой рукой художника, изображала голову медведя в страшном оскале, над головой фрагмент ствола сосны с корой, а снизу американский железный доллар в квадратной рамке.

На зоне Шаман сошёлся с китайцем после того, как вступил в драку с заключёнными, защищая его. Китаец подметал территорию внутреннего двора, когда подошли двое с намерением поиздеваться над ним, узкоглазым. Первые минуты китаец молча терпел издёвки наглых трепачей. Когда же получил хороший пинок под зад, терпение азиата испарилось. Он мгновенно ногою сбил с метлы ивовые прутья и полутораметровой палкой молниеносно сделал какие-то движения, оба без чувств лежали на земле. К китайцу подходили уже шестеро, которые наблюдали за ними. Шаман был в восторге от увиденного и принял сторону китайца, быстро подбежав к нему. Кулаком ударил одного, успел зацепить и второго, китаец же, особыми ударами ног и палки, разобрался с остальными.

Вскоре Эльбрус Эверестович больше узнал о необычном китайце. Это был тибетский монах, десять лет проживший в монастыре. За какую-то серьёзную провинность, был изгнан с позором из монастыря. У себя на родине не остался, пересёк нелегально границу СССР

и умудрился примкнуть к дальневосточным старателям на золотом прииске. Поработал какое-то время и оказался в лагерях Магадана по статье, которая лишила его свободы на пять лет.

Китаец, по имени Хунь Вань, в свои сорок пять, мастерски владел приёмами восточных единоборств. В лагере они сошлись с Шаманом после той стычки с желающими обидеть китайца, и по дружбе, китаец стал обучать его секретам восточного мастерства, которые сам постиг в тибетском монастыре за долгие годы.

За время отсидки Шаман старательно, с большим желанием и упорством, выполнял все наставления своего учителя и вышел из зоны далеко не новичком в этом мастерстве. Сын якутки и русского мужика с золотых приисков, которого и в глаза не видел, воспитан был в детском доме, куда мать сдала его, когда ему исполнилось десять лет. Не могла одна тащить пятерых. Вырос Шаман по якутским меркам крупным мужиком, не обделённым силушкой. Проходимец-батка был рослый, крепкий ходок, любитель погулять с размахом и пылью золотую потрясти, и это всё, что знал о нём Шаман.

Неласковая атмосфера в детдоме, с постоянными драками, слепила из Шамана жёсткого, несговорчивого и неуравновешенного мужика-отшельника. Жил бобылём, друзей не заводил, женщин сторонился, он не имел представления с какой стороны к ним заходить, и так немногословный, а при них он просто мычал, как горный марал в осенний гон. Лицом был не дурён, крепкий телом, но стоило ему взорваться по самому малому поводу, его облик превращался в дикого зверя, который не просто шипел или скалился, а сразу нападал без всякого предупреждения. Женщины обходили его стороной, мужики не связывались, старались не иметь с ним ни каких дел.

После окончания войны, нехватка крепких мужицких рук, ещё долго ощущалась во всём государстве. Без особого труда Шаман официально устроился рабочим на золотые прииски необъятного и богатого дальневосточного края. А через полгода привёл в дом молодую, смешанных кровей, как и он сам, симпатичную полуякутку. Она тоже работала на прииске, круглая была сиротка. Однажды, полоща в реке стиранное бельё, она соскользнула с камня, и бурный поток воды понёс её по течению. Шаман первым из старателей заметил, как река стремительно уносит кричащую Маняшу. Со скоростью оленя, бросился он по берегу вдоль речки за нею, обогнал и на узком месте реки, из бурлящей пеной воды, сумел схватить и удержать её.

Вытащил полуживую, закоченевшую в ледяной воде. Принесли Маняшу в лагерь, а через два дня, взяв отгул у главного, привёл её домой в посёлок к своей больной матери. Маняша долго не сопротивлялась на уговоры матери и сына остаться у них жить. Дом хороший, посёлок большой, и работа найдётся.

На прииске, на этом доходном месте, Шаман продержался почти два года. Но жёлтые камушки и песочек, которые он держал в ладонях почти каждый день, набрали тот самый вес, когда невидимая ниточка не выдержала этого веса, и с ладони, два года сыпавшей в государственный мешок золотой песок, он стал всё чаще и чаще не соскребать до последней пылинки золотую пыль. Начальник прииска, опытным оком своим золотым, оценивал каждого работника, не торопясь приглядывался, разговаривал не спеша, спрашивал кто и откуда...? Из двадцати рабочих он выделил троих, нутром профессионала чуя, что с ними можно повернуть сделку, и много они не попросят, так как не знают цену настоящего богатства и красивой жизни.

Вскоре начальник и три его приближённых старателя были арестованы за хищение ценных залежей ископаемых в государственных недрах земли дальневосточной. Начальник получил большой срок, а трое соучастников разные. Шаман отхватил пять лет колонии и убыл к месту дальнейшего проживания не так уж и далеко, из хабаровской в магаданскую область.

Эльбрус Эверестович, лёжа на жёсткой кровати, как киномеханик прокручивал хронику событий, недавних и давно ушедших. Далек не юный, ему было двадцать восемь, он вспоминал, как ещё год назад, он радовался мирной жизни на своей родной Псковщине. И вот

он здесь, злым роком судьбы занесённый через всю страну, лежит в кровати, в уютном доме на одной из сопек Дальнего Востока.

Потомственный травник, собиратель целебных растений и трав, как его отец и его дед, совершил неумышленную, роковую ошибку, и теперь он на самом востоке огромной страны. Четыре года он дышит дальневосточным воздухом: три из них, в затхлой камере магаданской тюрьмы и год воздухом тайги и моря, воздухом свободы!

Его дед, которого он почти не помнит, начинал своё дело ещё при царе, и был известен на всю Псковскую губернию и вхож в любой дом. Дело своё дед передал сыну (отцу Эльбруса), который успешно его продолжил. Имя отца хорошо знали и в городе, и в области. Отец сумел ненавязчиво заинтересовать единственного сына продолжить дело, начатое дедом, и это у него получилось.

Отец Эльбруса Эверестовича состоял в клубе альпинистов-любителей, куда входили интересных профессий люди – геологи, археологи и травники-ботаники. В сезон лета они собирались командой и отправлялись по запланированному на лето маршруту: на Урал, на Кавказ, в Центральную или Среднюю Азию. Каждый ехал со своей целью, кто вершины покорять, кто в горах копать, а они с отцом травы неизвестные искать. Таким был его отец.

Первый раз отец взял сына в горы, когда ему исполнилось одиннадцать лет. Мальчишка был покорён величавой красотой Кавказа, горной системой Тянь-Шаня, её масштабом, Уралом и Саянами, и все они – горные системы, по-разному были красивы и величественны, каждая в отдельности. Он, задрав голову с раскрытым ртом, не опускал её, пока не падал от головокружения. Отец не мешал сыну, который мог часами рассматривать горную вершину, а когда тот уставал и глаза опускались на зелёный луг, отец держал в руке цветок или травку и говорил: «Ну, наконец-то спустился вниз, а теперь нюхай, смотри и запоминай!»

Отец интересно умел рассказывать о каждом цветочке, о каждой травинке, какая какую пользу приносит, от какого недуга лечит, а какая калечит и травит. Он растирал в ладонях травку, лепесток и учил нюхать и запоминать, всё время повторяя: «Ты, как парфюмщик, знающий толк в самых тонких ароматах, обязан и в травке, если они очень даже схожие, найти нюхом своим самую малость отличия и учиться пропорции с порциями соблюдать и смешивать правильно».

Летние дни в горах быстро пролетали. Они с отцом лезли в горы, ставили палатку, разводили костёр и варили в котелке похлёбку. Пять летних сезонов подряд Эльбрус Эверестович проводил не в пионерских лагерях, а в горах и на их зелёных лугах, постигая науку ботаника-травника. Отец был очень доволен, когда сын без детского наивного притворства, с большим любопытством, начал задавать много вопросов. Он понял, что благое дело будет продолжено.

V

План поездки в горы Центральной Азии, летом 1941 года, сорвала Великая Отечественная Война! Отец ушёл на фронт, а вскоре и мать призвали. Она работала медицинской сестрой в районной больнице. Митюша остался с бабушкой в большом доме, построенном ещё его дедом. Жили они в области, недалеко от Чудского озера, у самой границы с Эстонией. И на этой самой границе, на зелёном цветочном лугу, встретил он свою первую любовь.

Она собирала луговые цветочки и, каждый сорванный, внимательно рассматривала и осторожно нюхала. Митюша, прогуливаясь на этом же лугу и наблюдавший за ней, вдруг поймал себя на том, что он робеет. И девчонку-то совсем не рассмотрел, а робость уже подкралась. Переборов незнакомое ощущение, медленно подошёл к ней.

– Ойяирдых! Лютус-лупоглазиус обыкновенный, но несравненный! – голосом знатока лютиковых, сказал Митюша, глядя, как она надолго задержала у самого носика бледно-розовый на длинном стебле цветок.

– Что вы говорите? – подняла ослепительно голубые, большие глаза девчонка, лет пятнадцати. Цвета пшеницы, светлые, прямые волосы свисали до плеч. «Как же ей идут эти необыкновенные глаза к её светлым волосам! Васильки в пшенице!», – непроизвольно сам себе произнёс Митюша. Он уже влюбился!

Сердце застучало, и волнение начало сковывать тело, язык, мысли: «Столбенею! Такого не было ни с одной девчонкой, я же с ними рядом совсем не трус? А она? Как она смотрит, какие синие глаза...!».

– Что вы такое сказали, повторите, пожалуйста?

Митюша вновь пропустил заданный вопрос. Он рассеянно смотрел в два больших полевых василька, и цвет неба сейчас был точь-в-точь, как эти глаза, которые ждали ответа. Смущённый Митюша пожалел, что цветок, который она держала у носика, обозвал таким словом, никакой ботаник не объяснил бы его значения и происхождения ни с какого перевода. Наконец он выдал из себя: «Это я на греко-латыни с татарским наклоном говорю, с большим акцентом. Я его только недавно изучать начал».

Девчонка с правильными, красивыми чертами лица, с прямым носиком и красивым ротиком, тёмными ресницами и бровями, на фоне белой кожи лица и светлых волос, окончательно ввела в ступор бедного парня. Смущению Митюша поддавался крайне редко, но сейчас он оторопел и не сводил глаз с маленькой, стройной фигурки, одетой в лёгкое, в светло-голубую клеточку платье и белые, летние босоножки. Они оба стояли под чистым, синим небом, одного роста, худенькие и воздушные.

Девчонка, видя смущение, показавшегося ей вначале наглым, пацана, сама разрешила создавшуюся неловкую обстановку на цветочном лугу. Она улыбнулась, протянула руку и назвала своё имя: «Ынне!».

Он не сразу взял её протянутую руку, а когда взял узкую ладошку в свою правую, тут же накрыл её левой и начал трясти: «Эльбрус! Получу паспорт, зовите меня Эльбрусом Эверестовичем!» – очень уверенно и убедительно представился пятнадцатилетний Митюша. Он стеснялся своего имени и фамилии, его дразнили в школе, и даже дружки порой подшучивали, это сильно его огорчало. Митюша твёрдо и окончательно решил для себя: «Получаю паспорт и всё моё – имя, отчество и фамилию, всё меняю напрочь. Во взрослую жизнь с нуля ворвусь! Всё во мне только высокое, с табуреткой ходить буду, а не допущу, чтобы на меня с высока...!» Родителей он любил, они хорошие, они поймут его.

– Эльбрусс... – эта гара, она отченнь високая, а Ви не више меня, и когда Вам двадцать пять даже исполнится, Ви високо не виростите! – она без смущения и очень серьёзно смотрела ему в глаза.

– У нас, у русских, и не такие имена бывают, а про фамилии, я и не говорю даже. Эстонцы с русскими, в этом тягаться не могут! – он заметил, как она слегка улыбнулась и не стала спорить.

– Этот цветок, который вы нюхаете, не имеет целебной ценности!

– Я знаю! Он красивый, а не лечит! – спокойным, тихим голосом ответила она.

Так началась их дружба, псковского парнишки из области и эстонской девочки, которая жила на хуторе у самой границы.

Горы для Эльбруса, значили всё, так он полюбил их, что жил бы в них, в пещерах, на склонах, только бы в горах. Они снились ему почти всегда. Среди их величавой мощи и красоты, он ощущал себя добрым великаном, сильным и большим. Благодарил отца, ведь он помог ему увидеть их величие, их вершины, прорезающие облака бездонного неба.

Уходя на фронт, отец вручил сыну свои записи и велел сберечь дедовские старинные аптекарские весы и его ценную, с пожелтевшими листьями, толстую тетрадь травника. В ней, с подробным описанием многих трав, цветов, корешков, ядов и противоядий, с рецептами приготовления снадобий, дозировками и много, много чем ещё, давались и необычные рецепты, с которыми Митя ознакомится через много лет. Вручая из рук в руки сыну-подростку свою тетрадь, он давал наказ: «Скоро станешь взрослым, сынок! Сбереги всё это и изучай! Годами, долгими годами собрано всё здесь! А сам начни с чистого листа!», – и с этими словами, вручил ему новую, толстую тетрадку.

«Надо немного отдохнуть, хотя бы часок поспать, набраться сил, они мне ещё как пригодятся!» – давал себе приказ больной. Но воспоминания не желали подчиняться и продолжали волна за волной лезть в больную голову.

За дверями комнаты слышался басистый шёпот мужика.

– Ну що, спыць, чи нэ спыць? А-а, пиду проверю, дило у менэ к ньому!

В дверь постучали и в комнату вошёл сам хозяин дома – Поросюк Мыкола, добрый толстяк. Поспать не удалось, уж если зашёл, то какую-то новость принёс, зазря, просто так, он не заходил бы.

– Здрав будь, Эльбрусу Эвэрэстовычу! Ну як ты, очухавсь трохы? Я до тэбэ, нэ сэрчай, з запыскою я, – и протянул пол листа, выдранный из ученической тетради. Эльбрус Эверестович прочёл крупные, корявые буквы: «Приходи лебидь. Нада работать».

– Кто принёс? – равнодушно спросил усталый Эльбрус.

– Та стоить такой психованный, вёртлявый во двори, ответа ждэ.

«Дёрганый! – догадался Эверест. – Шаман прислал! Что это он милость такую мне оказать вздумал? Не копається значит крупа золотая без меня? Время на дрова, на воду, пожрать из лавки принести, на всё тратить надо. А в лавку только ещё он, Шаман, сунуться может. Этих, с их рылами за порог не пустят, не любят чужаков в посёлке, да ещё из мест магаданских. Видно без харча горячего мощи поусыхали, каменюки ворочать силушек не хватает. Каждый час, потерянный в разгар сезона, дорого обходится».

– КПД, КПД! Плохой у них КПД – иссякать начал! Ещё пару неделек таких, и на нарах таёжных лежать по полдня станут, – произнёс вслух Гималайский.

– Шо таке? Шо за КПД таке, нэ разумию? – переспросил Поросюк.

– Это коэффициент полезного действия, Микола. Если твои рыбаки план перевыполняют – это высокий КПД, а если нет, ты их матом, угадал?

– Вирно кажешь, ще как, матом! Як же ж тэбэ Шаман отхэрачыв? А? Эльбрусу Эвэрэстовычу? Та цэ така скотына дика, звэрюга бэзбожна, з людыною так поступаты. Тэбэ сила якась нэчыста прям в бухту, пид ноги нам прикатыла. Мы тэбэ полужывого к мэни принэйслы, людына злякалась, дрысточка у штанци, уси понавальновалы, уси поутикалы з бэрега. Злякав ты нас, Эльбрусу Эвэрэстовычу! Скилки крабив побросалы, позатухалы вже на берэгу. Ганка моя уколы тэбэ у срацю понатыкала, от гимна курячегу насылу отшкрябалы. Тэлэса вид скруткы

такийной ще сыльно болять? А? Эльбрусу Эвэрэстовычу? Я ж бачу як страдаешь. Цэ ж надо, з людыною таке придуматы, на дровыняку так посадить, ныколы нэ бачив такое, а як разукрасэты, гимном по мордасти, тьфу...! Одын вин на цэ ума нэ маеть, це хтось надоумкав його, але баек наслухавсь в камэри звоею, там всёму научать, всёго наслухаешси, – с неподдельным, человеческим состраданием и болью смотрел Поросюк на больного. Он бы ещё говорил и говорил, но видел, как Эльбрус Эверестович устал и хочет спать.

– Мыкола! А откуда знаешь, что это Шаман? – спросил Гималайский.

– Да кобелюка його з колякою в цэпи у мэнэ во двори вже вторы суткы шатаешся, мабудь тэбэ сторожить? А Шаман, я разумию так, и выслэдив, где тэбэ шукаты.

– Передай этому, во дворе который, приду, как только поправлюсь!

– Гарно! Гарно Эльбрусу Эвэрэстовычу. Що з тобою зробылось, ништо нэ знае, я мужикам, хто тэбэ тащыв, настрого наказав, щоб пасть нэ разивалы. Добрэ, а мабудь, тилькы скажи, мы з мужикамы рэбра подломаемо Шаману! Тилькы скажи! Дужэ злы мужики на нёго.

– Нет Мыкола, не надо! Я ещё на годок задержусь у вас, надо на первое время что-то иметь за душой, а без Шамана и по напёрстку пыли золотой не наскребём, он чует золото. А как подлечусь, он у меня тоже в спектакле роль сыграет, в долгу не останусь!

– Ну як знаешь, Эльбрусу Эвэрэстовычу, видпочивай, я тэж пиду, дрёму дам на пару годын, – Мыкола закрыл дверь и вышел во двор к заскучавшему посыльному от Шамана, Дёрганому.

VI

Его бы в картину Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо султану», как он был похож на запорожца – с длинными вниз усами, только без чуба, Мыкола Поросюк был бритый. Так сравнивал хозяина дома, Эльбрус Эверестович. Мог бы и Тарасом Бульбой стать – здоровый, толстый, горластый.

Зимой полгода назад сынок Поросюка Пашка провалился в прорубь. Болел долго и сильно – переохлаждение, а потом воспаление лёгких не поддавалось лечению. Мать, Ганна Остаповна, была в отчаянии. Эльбрус взялся выходить мальчика. Ценные целительные тетради деда, отца и его собственная, были у него на руках и давали последнюю надежду на выздоровление единственного дитя в семье. А привезла ему наследство деда и отца его Ынне, проехав по железной дороге через всю страну, чтобы увидеться с дорогим ей травником-целителем. Приехала всего на недельку и только дали три свидания с дорогим ей человеком, который по нелепой ошибке оказался на тюремных нарах. Ему оставалось сидеть на них ещё целый год.

Настойки, отвары, домашние микстуры из сложных сборов, сделали своё чудо! Природа-матушка имеет в своём зелёном, летнем покрывале много чудо-кладов, и рука целителя, умеющая их искать и умело применять, творит это чудо.

Маленький Поросюк пошёл на поправку. Мыкола и Ганна Остаповна просто молились на Эльбруса Эверестовича, они на всю жизнь оставались в долгу перед ним. Целитель, вышедший несколько месяцев назад из зоны, спас их единственное чадо, которое они так долго ждали. Ганна родила его в тридцать два года, долгожданного и единственного, отец души не чаял в нём и сильно баловал.

Мать была женщиной строгих правил и укладов. Всё у неё было по справедливости. Нашкодил – получи, заслужил – получи. Они эвакуировались из Украины, из самой столицы – из Киева, когда немец был уже на подступах к нему. Уехали подальше от войны, да так и остались, приросли к Дальнему Востоку. Хороший дом, хорошая работа, и за несколько лет этот край стал для них родным! Мыкола Поросюк стал бригадиром рыбацкой артели, добрый, толстый весельчак умел ладить с народом и организовать работу, его уважали в управлении и во всём посёлке.

Ганна Остаповна, когда-то мечтала о музыке и владела великолепным голосом оперной певицы, её внешность и округлые телеса были под стать её сильному женскому вокалу, и вообще она была создана для сцены. Но судьба распорядилась совсем по-иному. Она окончила фельдшерские курсы и предписано было ей изгонять из страждущих хворь и недуг. Со временем привыкла и полюбила свою профессию, её очень радовало, когда люди от души благодарили её за помощь, она к своей работе относилась искренне и с большой любовью. Несмотря на, казалось бы, грозный вид, она имела чуткую, отзывчивую и добрую душу. Хотя часто признавалась хорошим, добрым друзьям, что её побаиваются клиенты, а почему, сама не знает. «Я же добрая, с ранимой, нежной душой баба!» – говорила она.

Эльбрус Эверестович проникся большим уважением к этой семье. Он не раз бывал у них, когда появлялся в посёлке и обязательно заходил к Ганне Остаповне в фельдшерский пункт узнать, не нужна ли какая помощь или совет из раздела ботаники.

Оставшись один, больной ещё раз раскрыл Шаманов смятый листок и смотрел на его выведенные чернильным карандашом каракули.

«Зовёшь ваятель! Брюхо подвело, а может пообсирались, в дерьме лежите, дряни вонючей нахлебавшись? Приду, приду! Не позовёшь, всё равно приду, ты меня так легко не отцепишь. Ты ещё в спектакле не сыграл, твоя роль впереди, готовься зверей пугать!» – Эльбрус смотрел в листок и разговаривал с шаманскими корявыми буквами. Усталость брала своё, и он медленно погружался в сон.

«Сон кошмаров»

На высокой самой в мире лежал Митюша юный на вершине, ножкою худую гоня облака. Ночь глаза сдавила, веки не поднять. Тёмная, неведомая сила заставляла Митю спать. Слышен гром далёкий в бубен, колокольчик дребезжит, и Митюша похотливый от якутки прочь бежит.

Всё наверх, наверх скребётся, пальцы в скалы повтыкал. На высокую вершину, тело гибкое поднял.

Убежал. Соблазн порочный глубоко внизу. В скалах девы голос отражался: «Всё равно тебя возьму!»

Он смотрел так жадно в небо, в чёрный цвет и звёздный блеск, Митя в сказку твёрдо верил и от феи ждал чудес.

Точка белая зардела, ослепила свод небес и конём крылатым села, копытом стукнув об утёс.

Его он ждал, и в чудеса он верил. Феей доброй облачён был в праздничный наряд и давно уже примерил цилиндр с тростью, чёрный фрак.

Встретил, в радости обнявши, конь беззвучно ржал. Митя в стремя ножку сунул и коня крылатого поднял.

Тот заржал, взмахнул крылами, растворились в чёрной мгле. Закружились над полями, ну а луг цветочный где?

Кружит, кружит над полями, лесом пролетел. Крылья конь широко поднял, в высь стремительно взлетел.

В Мите сердце бьётся сильно, край родной не узнаёт. Нет на луге того места, где невеста его ждёт.

Митя охает, трясётся, всего лишь ночь одна даётся, и этой ночью на лугу, сорвать должны они траву.

Дорожка узкая кривая, слева поле, справа бор. Речка змейкой серебрится и большой, огромный двор.

Дверь открыта, свет струится, смех и музыка, трезвон. Конь к крыльцу с красавцем Митей подлетел под этот звон.

По ступеням шагом мерным седока Пегас поднял. Принц калошей, конь копытом по полу стучал.

Ахнул люд, прижатый к стенам, стихла музыка, а зал ярким светом лицо принца освещал.

Вздохи девичьи по зале разнеслись со всех сторон, и лишь одна вздохнуть не стала, она всё знала: будет он!

«Шаману сон свой рассказала», – сказала гордо, выйдя в центр зала. Она же продолжала: «Приехал тот, во сне кто долго снился. И вот теперь он объявился. Шаман всё верно предсказал.

«Мне малый нужен, нежный и слюнявый. Люблю до страсти я таких, когда они все убегают, а я ловлю, сопливых вот таких.

Бери ж меня скорее, милый, судьбой предсказанный ты мне. Тебя тогда сняла с вершины! Не узнаёшь меня? Ведь это я – Хьюоовина твоя!»

В порыве страсти неудержной, руки выставив вперёд, к принцу молодому якутка чёрная идёт.

«Но ты жена Шамана! Тебя я не люблю! Потерял я луг цветочный, счастье там своё ищу!»

«Ошибаешься сопливый, конь сюда тебя принёс! Вижу счастье с морды смыло, не туда видать занёс».

Конь заржал, хотел лягнуться, но копыта приросли. От Шамана чары взяла в руки девичьи свои.

Оседлав понурого Пегаса, в Митюше волю подавив, повела коня на выход, юный принц был так ей мил.

Укрощённый конь послушно нёс двоих в её сарай. Светлый месяц равнодушно путь счастливой освещал.

«Ооо...! Какое же паскудство, я ещё совсем так мал! Для любовного искусства не хочу идти в сарай!»

Девка спрыгнула борзая, в зад Пегасу дав ногой. Митю тростью зацепила, потащила за собой.

Распахнулись ворота! Не видать ни зги! Слышно только: «Мне охота, ну давай же, ну бери!»

Не обученный искусству, Митя в стенку спину вжал, а у рта его так вкусно голос нежный задрожал.

Фрак блестящий на пол рухнул, трость с цилиндром в стороне, лишь с подтяжками якутка не совладала в темноте.

Свет вдруг ярко засветился, образ страшный сзади встал, и Шаман с наследственным искусством правой «колотухой» в «бубен» дал!

Колокольцы, искр снопы, всё смешалось в голове. Только чёрные галоши засверкали в высоте!».

Конец сна.

Эльбрус Эверестович орал! Орал с поднятыми вверх ногами, на которых свисало лёгкое, летнее одеяло, левая рука, сжатая в кулак, закрыла подбитый глаз, и обильный пот покрыл давно небритое, заросшее густой щетиной худое, смуглое лицо. Он понял, когда открыл правый глаз, что орёт уже давно, рядом стояла Ганна Остаповна и растерянный Пашка. Она вытолкала сына из комнаты и плотно закрыла за ним дверь.

– Всё хорошо, всё хорошо Эльбрус Эверестович, – ласково гладила по плечу коренная киевлянка, в речи которой невозможно было выделить её происхождение. Сорокачетырёхлетняя дородная, красивая хохлушка, всегда говорила с местными на правильном, чистом русском языке.

– Это сон! Просто кошмарный сон, и после всех Ваших приключений и передраг, в которые Вы угодили, он обязательно должен присниться. Да что я Вас учить буду, Вы и сами всё хорошо знаете! Через два часа я сделаю укол, и Вы уснёте, забудетесь, и сны хорошие придут, – она положила свою пухленькую, тёплую руку на его руку, улыбнулась и вышла, тихо прикрыв двери.

VII

Хозяйка ушла, а у него не выходил из головы этот кошмарный сон- сказка, и самое удивительное, что это была правда! Всё, что он недавно пережил и как раньше жил, всё, почти всё, показал сон. Глаз сильно болел, вместо Шамана сам себе врезал ещё раз и в тот же глаз, а по каким заслугам, за что? Он себя виноватым ни перед кем не считал.

Он нравился местным молодым барышням и не очень молодым, ярко выделялся среди молодых парней и не старых мужиков в посёлке. Всегда приветливый, общительный и вежливый в разговорах, будь то местная красавица или старый якут, он с первых дней своего появления, будто магнитом, притягивал того, с кем общался. Побывал во многих домах просто так, чайку попить и дать хороший совет, как объявившийся новый целитель-травник. За небольшой срок пребывания заслужил большое уважение среди жителей, когда познакомился с Мыколой Поросюком. А позже, чаще стал появлялся в фельдшерском пункте в сезон эпидемий гриппа и вирусов, облегчая, единственному на полуторатысячное население фельдшеру, непосильную работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.